

Анджей де Лазари
РУССКАЯ МЕЧТА О «ВСЕСОБОРНОСТИ»
„Новая Польша” 2003, nr 1

Сомневаюсь, можно ли переоценить то влияние, которое в долгосрочной перспективе оказывают идеи.

Фридрих фон Хайек

«Новую» книгу Анджея Валицкого я проглотил одним духом, но голод остался. «Новую» в кавычках, так как она пролежала в издательстве несколько лет, а голод — так как в ней мне не хватило хотя бы послесловия, помещающего проблемы XIX века в контекст сегодняшней действительности. Ибо в русском «православном» мышлении ничего не изменилось — это, пожалуй, первый вывод, который могут сделать из чтения очередного замечательного труда моего учителя те, кто наблюдает сегодняшние борения с католичеством в России (а Польша остается их фоном).

Анджей Валицкий принадлежит к тем польским ученым, которые сумели, живя в ПНР, сохранить интеллектуальную свободу, сознательно пренебрегая идеологическими запретами и приказами. Среди его трудов нет ни одной книги, утратившей научную ценность. Он никогда не писал на заказ — чей бы то ни было, оставаясь в науке невозмутимым либералом. Вероятно, потому среди его друзей и корреспондентов мы находим таких людей, как сэр Исая Берлин и Чеслав Милош. Потому же его книги печатались в Англии, Италии, Испании, Японии и других т.н. капиталистических странах. В историю философской мысли он вошел как один из создателей варшавской школы истории идей вместе с Брониславом Бачко, Лешек Колаковским и Ежи Шацким. Его книги стали учебниками для нескольких поколений философов, историков, филологов и политологов, интересующихся русской и польской философской и общественной мыслью. Такая судьба, безусловно, ждет и рецензируемую книгу, но...

Первое «но». Мое поколение будет несколько разочаровано. Валицкий здесь ничего нового не открыл. То, о чем он пишет, мы уже находили в его более ранних польских или английских трудах (назову хотя бы «В кругу консервативной утопии», Варшава, 1964; «Философия и мессианство», Варшава, 1970; «Русская философия и общественная мысль от эпохи Просвещения до марксизма», Варшава, 1973). Более молодые, наоборот, будут удовлетворены: вся тема в одном томе.

Второе «но». А вот и не вся — только до конца XIX века. Выходит, XX век и то, что всего интересней, т.е. современность, им придется изучать по каким-то другим трудам. Жаль, потому что Валицкий отлично ориентируется в хитросплетениях как советской мысли («Марксизм и скачок в царство свободы. История коммунистической утопии», Варшава, 1996), так и постсоветской: он не раз участвовал в дискуссиях о современной России. Или современная Россия для него не Россия, а в ней не стоят вопросы католичества и Польши? Чуть, конечно. Отсюда мое сожаление о том, что в книге нет хотя бы послесловия.

Третье «но». Валицкий едва затронул официальную «церковную» и «государственно-чиновничью» мысль. Его книга ограничивается проблемой «Русские мыслители XIX века перед лицом католичества и (при случае) польского вопроса», а эти мыслители, как правило, стояли в оппозиции к официальной Церкви и государству.

Уменьшают ли эти «но» ценность книги? Ни в коем случае! Просто я поддался внушению заголовка и знакомой мне продукции того же издательства и ожидал чего-то вроде недавней книги Валицкого «Польские борения со свободой» (Краков, 2000) — научно-публицистической, а не на все сто процентов научной.

Разумные и неразумные утопии

В своей Нобелевской лекции Александр Солженицын повторил своими словами прекрасную мысль романтика Аполлона Григорьева: «Нации — это богатство человечества, это обобщенные личности его; самая малая из них несет свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла». И многие другие русские сегодня продолжают отождествлять историософию с эсхатологией и убеждены в святости Руси и ее необыкновенном предназначении. Для меня это свидетельствует о том, что немалая часть русской мысли остается внутри романтического мировоззрения, противопоставляющего русскую «интуицию и веру» западному «стеклышку и глазу». Анджей Валицкий своей книгой укрепляет мою уверенность в этом.

Проследивая русскую мысль перед лицом «католического вызова» от Чаадаева до Соловьева, т.е. на протяжении всего XIX века, он показывает, что романтическая утопия лежит в основе мировосприятия самых видных русских мыслителей — которые и были учителями Солженицына. Все они в своем филокатоличестве (Чаадаев, Печерин, Гагарин, Соловьев) или антикатоличестве (Иван Киреевский, Хомяков, Тютчев, Иван Аксаков, Достоевский и многие другие) опирались на утопический образ «всесоборности», «кафоличности» (в принципе, Валицкому следовало бы говорить не об отношении к католичеству, а к Римско-Католической Церкви, ибо «католическое»/«католическое» и значит «соборное»). «Всесоборности» предстояло воплотиться в так или иначе объединенном христианстве — с Римско-Католической Церковью или без нее, с Русской Православной Церковью или без нее, с соединенными католической и православными Церквями или вообще без Церкви как института (например, в анархистской утопии Льва Толстого). На первом месте всегда стояло утопическое «всесоборное» (даже Христос отошел на второй план), вытекавшее из утопической всеобщей любви (не раз подpiraемой штыками: Достоевский во время польского восстания 1863 г. и русско-турецкой войны), осуществленное в утопической общине (славянофилы), соборности (Хомяков), всеединстве (Соловьев) и т.п., чтобы в конечном счете воплотиться в жизнь в советском муравейнике. Этого муравейника в книге Валицкого уже нет. Нет в ней и мысли о том, что по сути нам, современникам, не так уж важно, кто из русских был филокатоликом, а кто антикатоликом. Те и другие создали идею утопической «всесоборности», а, как пишет сам Валицкий, цитируя фон Хайека, невозможно «переоценить то влияние, которое в долгосрочной перспективе оказывают идеи».

Анджей Валицкий. Россия, католичество и польский вопрос. Варшава, «Прушинский и К°», 2002. 462 с. — *На польск. яз.*